

Виктор Левченко

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СМЕХЕ

Ситуация, когда о смехе начинают говорить серьезно, выглядит достаточно парадоксально. Смех начинает при этом истаивать, приблизительно как улыбка Чеширского кота в «Алисе в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Однако именно серьезность является постоянным спутником смеха, что подтверждается и оценкой таких «серьезных» наций как англичан как обладающих тонким чувством юмора. Поэтому сущность смеха и условия его существования в культуре давно являются специальным предметом рассмотрения для философов и ученых, серьезно исследующих разрушающий серьезность предмет. За последнее время появилось достаточно большое количество публикаций, в которых рассматривается под философским углом зрения данная проблематика (см., например: [1; 5; 9; 10; 11]). Они, по большому счету, продолжают давнюю историко-философскую традицию обращения к теме смеха и смеховой культуры, поскольку пристальное внимание к этой проблеме обнаруживается уже в античности. Целью данной статьи, написанной в форме размышлений, является обнаружение в этой традиции основных тенденций исследования смеха и выявление основных признаков этого феномена.

Так, например, Аристотель предложил оригинальную концепцию смеха и места комического в искусстве и в жизни человека вообще, ставшей парадигмальной в дальнейшем. В первой книге своего сочинения «Поэтика» он дает следующее определение смеха: «Смешное есть некоторая ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное» [2, с. 650]. То есть смех связан с безобразием, не приносящим человеку, этому «смеющемуся животному», как называл его Аристотель, никакого страдания. Развернутое изложение проблемы комического предполагалось им во второй книге «Поэтики», которая не сохранилась, но даже своим отсутствием определяла понимание и способ подхода к рассмотрению природы смеха в дальнейшем. (Вспомним хотя бы какая роль придавалась книге «Поэтики» о комическом, в том числе и в развитии сюжета, в культовом романе Умберто Эко «Имя розы».) Смех начинает рассматриваться как нечто, нарушающее и даже разрушающее целесообразность и рациональность происходящих в жизни человека событий, то есть выпадение из них.

Субъективно в смехе проявляется пренебрежительное отношение к жизненной ситуации, предмету или лицу, возвышение над нею. В рамках этой традиции мы и встречаемся с такими подходами к природе смеха, как у Т. Гоббса, считавшего смех выражением гордыни, представления человека о себе с позиции превосходства и своей значительности. Он

писал, что «страсть смеха есть не что иное, как внезапное чувство тщеславия, возникшее в нас под влиянием неожиданного представления о каких-нибудь наших личных преимуществах и сравнения последних со слабостями, которые мы замечаем в данный момент в других людях или которые нам самим были свойственны в прежнее время» [4, с. 547]. Другой вариацией на эту тему является подход А. Бергсона, заявившего, что смех вызывается косностью и уподоблением живого машине. Поскольку эта косность противоречит сущности жизни и нецелесообразна с точки зрения общества, то смех и выражает порицание общества. Являясь порождением эгоизма, заложенного природой даже в лучших людях, язвительности и небольшого запаса злобы как средства самозащиты, смех замыкает человека в себе. Благодаря смеху смеющийся, «горделиво отгораживаясь от всего окружающего, начинает рассматривать личность другого как марионетку, нити от которой у него в руках» [3, с. 122]. Недостаточность подобного подхода в том, что согласно ему осмеяние должно возноситься смеющегося *вверх*, а на самом деле появляется чувство боли за унижение другого, наблюдая его движение *вниз*. Такое понимание смеха ограничено, поскольку он достаточно часто добродушен и смеющиеся нередко делают себя самих объектом осмеяния. Общество, состоящее из тщеславных гордецов, невыносимо для нравственно здоровых людей. Подобные вышеуказанные позиции находят свой отклик в понимании психологами смеха как сублимации агрессивных тенденций, не находящихся прямого выхода. Особенность его только в слабой интенсивности этого отношения, хотя и встречается так называемый уничижительный смех. Исследованию данной особенности смеха применительно к межличностной коммуникации специально рассматривалась мною в некоторых публикациях (см.: [12; 13; 14]).

Несмотря на то, что все эти установки на понимание смеха неполны, так как не сводят к общему знаменателю все случаи, когда человек смеется, например, дружелюбный и беззлобный смех, они позволяют посмотреть на природные корни смеха и обнаружить в самой телесности человека основания для смеха. Уже у высших животных обнаруживаются этологические и телесные аналоги смеховой деятельности. Так в исследовании этолога И. ван Хоофа «Сравнительный подход к филогении смеха и улыбки» рассматриваются две гримасы шимпанзе, сопровождаемые оскалом зубов. Одна из этих гримас скорее всего является филогенетической предшественницей смеха, поскольку внешне очень напоминает детский смех и легко вызывается щекоткой. Функционально эта гримаса сопровождает игровые, ненастоящие поединки шимпанзе (см.: [16, р. 133]). То есть смех выступает в качестве

знака узнавания. С другой стороны, позиция «сверху-вниз», характеризующаяся как специфицирующая смех, присутствует в поведении животных, не знающих смеха, в виде его аналогов, например, в помечивании территории непосредственно поверх меток другого, как бы занижая претензии предшественника.

Другие философские подходы в отношении смеха ориентируют прежде всего на выявление онтологических оснований через исследование его объективной данности. Наиболее знаменитым определением в пределах этой позиции является данное И. Кантом в «Критике способности суждения», который характеризовал смех как «аффект от внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» [8, с. 352]. Эта точка зрения на смех уводит нас от понимания его как проявления гордыни. Наоборот, благодаря смеху человек избавляется от фетишизированного в окружающем мире и в самом себе. Поэтому немецкий эстетик и писатель Жан-Поль, много размышлявший о природе смешного и комического, подчеркивал потенциально смеховой характер любого конечного бытия и у него смех из высокомерной демонстрации собственного превосходства становится выражением терпимости к несовершенству конечного существа и притягивания этого мира (см.: [7, с. 135–146]). Несуразица, вызываемая несоответствием ожидаемого с реально происходящим, наблюдаемая в жизни и размыкающая смехом границы ее застылости, часто является источником комического и в искусстве. В качестве примера позволю себе напомнить ситуацию описанную Сергеем Давлатовым в его книге «Наши». Дядя писателя, не живущий со своими детьми, пришел пообщаться с ними, и пока их мать находилась на кухне, пытался реализовать себя в качестве отца. Но напряженность ситуации, вызванная непонятными, но серьезными ожиданиями у присутствующих, вдруг снимается, так как отец неожиданно пукает и вызывает у детей хохот. Пришедшая же на шум мать значительно произносит: «Все-таки детям нужен отец! Как они весело играют, шутят смеются...», помещая этими словами в совершенно несоответствующую ситуацию свой серьезный мир ожиданий, что, соответственно, делает комической ситуацией для читателя (см.: [6, с. 166]). В данном примере присутствует своеобразная «матрешечная» (когда наблюдается воспроизводство смеховых ситуаций друг в друге) структура образования смеха в соответствии с подходом Канта. Эти ожидания могут поддерживаться посредством постоянного ускользания нереализуемой цели для действующего персонажа, абсурдность и комичность ситуации нарастает по ходу движения сюжета и превращения надежд в пшик, как, например, в знаменитом водевиле Лабиша «Соломенная шляпка».

Особенно сильно смех реализуется как результат речевого

общения, или когда живой дискурс заменяется штампованными фразами, позаимствованными из самоучителей иностранных языков, как в «Лысой певичке» Э. Ионеску, или в процессе инверсии, то есть подмены смысла благодаря речевым ошибкам. Например, автор данного текста встречается со своим плохо говорящим по-русски студентом из Китая. Последний сообщает, что он укусил собаку. Зная об особенностях китайской национальной кухни и некоторое время назад беседуя о них с этим же студентом, преподаватель спрашивает его: «Вкусная ли была собака?», так как предполагает, что студент приготовил собачатину и хочет поделиться своими впечатлениями с педагогом. Но этот вопрос вызывает недоумение и смутное ощущение какой-то абсурдности у китайца, и выясняется что он просто перепутал подлежащее с дополнением. На самом деле он стал жертвой нападения собаки, укусившей его. Вот эта неоднозначность и «прыжки» смыслов вызывают смех. В результате вскрывается многоплановость смысла и идет явная или неявная игра с ним.

Смех, как мы видим, вырывает явления и процессы из их жесткой однозначности и зависимости от мира и делает их предметом *моей* игры с ними, поскольку смысл ей *я* придаю *сам*. В результате смех дистанцирует смеющегося от мира. Обнаруживая смешное, человек осуществляет творческий акт и заполняет эту дистанцию между собой и миром смехом. Санкционируя конечность своего существования и стирая претензии абсолютного в процессе смеха, человек постулирует себя в этой ситуации как открытое миру и другим людям свободное существо. Эта творческая природа смеха реализуется благодаря и в формах разрушения старых связей в культуре. Здесь уместно привести цитату из книги Д. Лихачева и А. Панченко: «Смех заключает в себе разрушительное и созидательное начала одновременно. Смех нарушает существующие в жизни связи и значения... Смех «оглуляет», «вскрывает», «разоблачает», «обнажает»... Но смех имеет и некое созидательное начало – хотя и в мире воображения только. Разрушая, он строит и нечто свое: мир нарушенных отношений, мир нелепостей, логически неоправданных соотношений, мир свободы от условностей, а потому в какой-то мере желанный и беспечный... Смех в своей сфере восстанавливает нарушенные в другой сфере контакты между людьми, так как смеющиеся это своего рода «заговорщики», видящие и понимающие что-то такое, чего не видели до этого или чего не видят другие» [15, с. 3–4]. Благодаря своей негативности смех оживляет застывшие формы, отбрасывая на них «тень», делает их более объемными, культура становится близкой человеку и уже не является олицетворением голой парадности.

1. Аверинцев С. С. О духе времени и чувстве юмора // Новый мир.– 2000.– № 4.
2. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения.– Т. 4.– М., 1983.
3. Бергсон А. Смех.– М., 1992.
4. Гоббс Т. Человеческая природа // Гоббс Т. Сочинения.– Т. 1.– М., 1989.
5. Дмитриев А. В. Социология юмора: Очерки. – М., 1996.
6. Довлатов С. Наши // Довлатов С. Собрание прозы в трех томах.– Т. 2.– СПб., 1993.
7. Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики.– М., 1981.
8. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в шести томах.– Т. 5.– М., 1966.
9. Карасев Л. Философия смеха.– М., 1996.
10. Карасев Л. Смех и будущее // Человек.– 1994.– № 1.
11. Карасев Л. Смех – вестник нового мира // Человек.– 1999.
12. Левченко В. Л. Смех и тело // *Дбџа / Докса. Збїрник наукових праць з філософії та філології*. Вип. 1. *Людина у світі сміху*.– Одесса, 2002.
13. Левченко В. Л. Этнический анекдот в национальной идентификации // *Дбџа / Докса. Збїрник наукових праць з філософії та філології*. Вип. 2. *Про природу сміху*.– Одесса, 2002.
14. Левченко В. Л. Защитная функция смеха // *Дбџа / Докса. Збїрник наукових праць з філософії та філології*. Вип. 3. *Про природу сміху*.– Одесса, 2003.
15. Лихачев Д. С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси.– Л., 1976.
16. Van Hooff J. A Comparative Approach to the Phylogeny of Laughter and Smiling // Play. Its Role in Development and Evolution. Ed. by J. Bruner, A. Jolly, K. Sylva.– N.Y., 1976.